

Н. С. ДЕМКОВА

Из комментариев к тексту «Слова о полку Игореве»

1. «Пѣти было пѣсь Игоревѣ, того (Олга) внуку...»

Эта фраза в тексте первого издания «Слова» до сих пор вызывает споры среди издателей и комментаторов памятника: о чьем «внуке» идет здесь речь? Об Игоре, внуке «Олга», т. е. князя Олега Святославича Черниговского (именно так понимали текст первые издатели, их перевод: «Тебе бы петь песнь Игорю, внуку Ольгову...»¹), или о ком-то другом? Почему имя «Олга» поставлено первыми издателями в скобки?²

Принято думать (эта традиция идет от утверждения Н. М. Карамзина), что в рукописи «Слова» не было слова «Олга» и что оно было вставлено в текст первыми издателями «для большей, — как говорил Н. М. Карамзин, — ясности речи».³

Известие о мнении Н. М. Карамзина вызвало всеобщее недоверие к чтению «Олга» первого издания,⁴ а Е. В. Барсов, создав трехтомную энциклопедию «Слова», закрепил это негативное отношение, рассматривая чтение «Олга» не более как субъективную догадку первых издателей («оно вставлено в текст издателями лишь в силу своей догадки», — писал Е. В. Барсов).⁵ Когда А. И. Смирнов, поддерживая чтение первых издателей, обратил внимание исследователей на близость комментируемого выражения к заглавию памятника, где Игорь назван «внуком Ольговым»,⁶ никто не принял его точку зрения. Е. В. Барсов писал о ней: «Мнение — сколько своеобразное, столько же и странное».⁷

¹ Проическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800. С. 6—7.

² В Екатерининской копии «Слова» (также в скобках): «Ольга», в бумагах А. Ф. Малиновского (на л. 14) — как в первом издании: «Олга» (в квадратных скобках). См.: Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960. С. 164, 258 и фотокопия л. 14 бумаг А. Ф. Малиновского.

³ Приведем полностью существующее известие о мнении Н. М. Карамзина: «Как сообщил Р. Ф. Тимковский со слов К. Ф. Калайдовича, Карамзин не только видел и пользовался рукописью „Слова“, но даже сверял эту рукопись с первым изданием „Слова“: „1814 года, октября 21 дня, слышал я от К. Ф. Калайдовича, что Н. М. Карамзин уверял его, К. Ф. Калайдовича, что по сделанному им, Н. М. Карамзиным, сличению, оказалось, что Песнь о походе кн. Игоря со всею точностью напечатана против подлинника, выключая слов: *вѣчи Трояни*, вместо которых в подлиннике стоят: *сѣчи Трояни*. Касательно же поставленного в скобке слова: *Олга*, на стр. 6, то это учинено для большей ясности речи» (Полевой Н. Н. Любопытные замечания к «Слову о полку Игореве» // Сын отечества. СПб., 1839. Т. 8, разд. VI. С. 20).

⁴ Так, например, К. Эрбен (Erben K. J. Dvě spěvy staroruských, totiž: O výpravě Igorevě a Zádostina. V Praze. 1869. S. 27) и Н. С. Тихомиров (Тихомиров Н. С. Слово о полку Игореве. М., 1866. С. 2) исключали из текста «Слова» чтение «Олга».

⁵ Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1889. Т. 3. С. 98—99.

⁶ Смирнов А. И. О «Слове о полку Игореве». Вып. II: Пересмотр некоторых вопросов. Воронеж, 1873. С. 84.

⁷ Барсов Е. В. Слово о полку Игореве... С. 100.

Чтение «того внуку» вызвало большую комментаторскую литературу. Загадочность и неопределенность текста первого издания привели к созданию ряда гипотез и даже текстовых конъектур. Ряд исследователей видят в этом сообщении «Слова» указание на то, что Игорь — внук Трояна (В. Ф. Миллер, Е. В. Барсов, А. С. Прозоровский, Н. К. Гудзий и др.), другие — конкретизируют местоимение «того» как обозначение предка певца Трояна — бога Велеса.

Предложил видеть в комментируемой фразе упоминание о Бояне, внуке бога Велеса, Д. С. Лихачев: «„Того внуку“ может, действительно, означать потомка Олега „Гориславича“ — Игоря, как думали первые издатели, но может означать и „потомка“ — преемника Бояна, т. е. позднейшего поэта. Принимаю здесь, однако, предложение И. М. Кудрявцева (высказанное им устно и не опубликованное), что речь в этом месте идет о Бояне — внуке бога Велеса, о котором говорится ниже. Автор „Слова“ говорит о Бояне — „того внуку“ — как о чем-то известном, а в дальнейшем разъясняет: „вѣщей Бояне, Велесовъ внуче“. Действительно, во всем этом абзаце речь идет только о Бояне и о его поэтической манере. . .»⁸

Гипотеза И. М. Кудрявцева—Д. С. Лихачева принята в новейшем научном издании «Слова» в «Библиотеке поэта», а имя Велеса даже введено — как конъектура — в реконструкцию древнерусского текста «Слова», предпринятую Н. А. Мещерским и А. А. Бурыкиным: «Пѣти было пѣснь Игорви того <Велеса> внуку. . .»⁹ (перевод: «Тогда цеть бы внуку того <Велеса> псень Игорю. . .»¹⁰); комментарий Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина: «Из древнерусского текста неясно, к кому именно относится словосочетание „того внуку“. Первые издатели, а за ними и многие исследователи поняли так, будто речь идет об Игоре — внуке Олега Святославича — и вставили в скобках курсивом¹¹ имя „Олга“ после „того“. М. В. Щепкина предположила, что речь идет о самом авторе „Слова“ — внуке Бояна. . . Скорее всего, однако, здесь говорится о самом Бояне, названном далее Велесовым внуком».¹²

Таким образом, в современной традиции прочтения «Слова» имя Велеса стало заменять имя «Олга» первого издания.

Существует еще одно направление в истолковании данного фрагмента «Слова», будто бы упоминающего об авторе его — «внуке» Бояна; оно приобретает в наши дни все большее распространение. Исток его — авторитетный комментарий А. А. Потебни (1877), который рассматривал форму «внуку» как дательный падеж действующего лица при инфинитиве «пѣти» и в выражении «того внуку» видел указание на самого автора «Слова» как на «внука Бояна» («или по крови. . . или по духу»¹³). Мнение А. А. По-

⁸ [Лихачев Д. С.] Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 386—388 (сер. «Лит. памятники»); ср. объяснительный перевод Д. С. Лихачева: «. . . (пришлось бы) внуку тому (т. е. внуку бога Велеса, о котором ниже) воспеть псень (в честь) Игоря. . .» (Там же. С. 78); новейшее издание — в кн.: «Слово о полку Игореве»: 800 лет. М., 1986. С. 29.

⁹ Слово о полку Игореве. 3-е изд. Л., 1985. С. 23. (Библиотека поэта; Большая сер.) (далее — Слово, 1985).

¹⁰ Там же. С. 37.

¹¹ Отметим, что сведение комментария Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина о курсиве, использованном в данном фрагменте первыми издателями (как бы для выделения имени «Олга»), неточно, так как курсивом в первом издании был набран весь древнерусский текст памятника (в том числе и имя «Олга»). Имя Олега в форме притяжательного прилагательного — «Ольгову» — было действительно выделено курсивом, но не в тексте, а в переводе памятника («. . . Игорю, внуку *Ольгову*»); отметим, однако, что здесь это выделение было сделано в полном соответствии с общим принципом первых издателей (не всегда, впрочем, последовательно ими проводимом) — выделять в переводе курсивом имена и географические названия, и, следовательно, курсив никак не отражает специального намерения первых издателей еще раз, дополнительно к скобкам, выделить слово «Олга» из общего текста памятника.

¹² Слово. С. 446—447.

¹³ Потебня А. А. Слово о полку Игореве. 2-е изд. Харьков, 1914. С. 14.

тебни разделила М. В. Щепкина, доказавшая реальную возможность того, что автор «Слова» мог быть (по возрасту) кровным внуком «вещего» певца.¹⁴ Возражая первым издателям, М. В. Щепкина пишет: «Логически трудно предположить, что слово „внук“ относится к имени „Игорь“, а определение „того“ подразумевает его деда — Олега Святославича. Князь этот нигде не упомянут, ни перед выражением „того внуку“ (с. 6), ни после него. Впервые находим мы это имя лишь начиная со с. 14—15: „полци Олговы“, „Ольга Святославича“. . . Слова „того внуку“ настолько ничем не связаны по смыслу, а по своему месту настолько удалены от имени Олега Святославича, что их, конечно, нельзя относить к этому князю. Единственные имена, стоящие непосредственно перед словами „того внуку“ и сейчас же после них, — это Троян и Боян. Первое имя здесь неприемлемо. . . И синтаксически и логически. . . слова „того внуку“ должно относить к имени древнего певца Бояна. . .»¹⁵

Именно этой точке зрения выпала роль «порождающей модели». На нее обратили внимание и развили дальше и писатели, и исследователи. Советский писатель В. Чивилихин, ссылаясь на приведенный выше анализ М. В. Щепкиной и текст доклада Н. В. Шарлеманя (1952), утверждавшего авторство Игоря, внука, потомка Бояна, стал рассматривать вслед за ними комментируемую фразу и «полный заголовок поэмы» как «довольно веские доказательства» авторства самого Игоря.¹⁶ Новейшее исследование А. Н. Робинсона на основании подобной же интерпретации чтения «того (Олга)» утверждает кровное родство Бояна и его потомка (внука или правнука), автора «Слова», и, напомнив о покупке киевской княгиней в XII в. «земли Бояновой», делает вывод о социальном положении автора: «Следовательно, и Боян, и Автор были феодалами, притом весьма богатыми, а потому и уважаемыми в обществе».¹⁷ Каких бы то ни было новых доказательств для обоснования своей гипотезы А. Н. Робинсон не приводит. В качестве аналога для утверждения идеи о кровном родстве автора «Слова» и Бояна он использует огузский героический эпос «Книга моего деда Коркута».

Обратим внимание на то, что избранное для комментирования «темное» место «Слова» оказывается в центре внимания исследователей, изучающих такие существенные проблемы осмысления «Слова», как личность и социальный статус его автора. Это обстоятельство оправдывает любое новое обращение к непонятному тексту.

Возвращаясь к тексту первого издания, решусь поддержать чтение «Олга» как исконно принадлежавшее тексту «Слова», и — на основе палеографического анализа — объяснить происхождение выражения «того (Олга) внуку».

М. В. Щепкина (в упоминавшейся выше работе) усомнилась в правоте суждения Н. М. Карамзина о том, что имя «Олга» в скобках появилось в первом издании «для большей ясности речи», и привела весьма существенные аргументы в пользу того, что это чтение принадлежит не первым издателям, а самой мусин-пушкинской рукописи. М. В. Щепкина писала: «Надо полагать, что если бы имя Олега Святославича было привлечено самими издателями для объяснения слов „того внуку“, то А. Ф. Малиновский, при его педантично-точной системе передачи текста, удовольствоваться бы примечаниями. . . Следовательно, вставка „Олга“ сделана

¹⁴ Щепкина М. В. О личности певца «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 16. С. 73—79.

¹⁵ Там же. С. 74.

¹⁶ Доклад Н. В. Шарлеманя, на который ссылался В. Чивилихин, — по-видимому, неопубликованная рукопись, находившаяся в распоряжении писателя. См.: Чивилихин В. {Память. Роман-эссе // Наш современник. М., 1984. № 4. С. 117—118.

¹⁷ Робинсон А. Н. Автор «Слова о полку Игореве» и его эпоха // «Слово о полку Игореве»: 800 лет. С. 164.

не издателями, а взята для пояснения из самого оригинала, причем, всего вероятнее, она стояла на поле. О том, что слово „Олга“ относится не к позднему времени, свидетельствует способ написания его: не „Олега“ или „Ольга“, а, по-видимому, „О(л)га“, т. е. с выносом буквы „л“ над строкою или со значком паерка над нею.¹⁸ М. В. Щепкина полагала, что «Олга» — глосса, вставка на поле рукописи, «догадка» древнего комментатора «Слова», и «догадка» ошибочная, так как, с точки зрения М. В. Щепкиной, речь в тексте «Слова» шла о Бояне, деде автора (см. об этом выше).

Исходя из этих замечаний М. В. Щепкиной и критического рассмотрения ею суждения Н. М. Карамзина, предложим свое понимание проблемы текста.

1. Отметим, что первые издатели при издании древнерусского текста «Слова» нигде (исключением является комментируемая фраза) не давали в скобках пояснения к его многочисленным «темным местам». Еще один раз первые издатели использовали скобки при издании перевода «Слова», поместив в них также вариант (летописный) имени: «Овлурь (Лаверь)». Метод дополнения неясного текста оригинала различными пояснениями, помещаемыми в скобках, — это как раз метод самого Н. М. Карамзина; именно так он издавал пересказ «Слова» и выписки из него в «Истории государства Российского».¹⁹

2. Утверждение Н. М. Карамзина о том, что слово «Олга» было вставлено первыми издателями в текст «для большей ясности речи», вызывает сомнение. Не является ли оно лишь догадкой историка, возникшей в силу необходимости (и притом уже *post-factum*) объяснить разноречие между его прочтением текста рукописи «Слова» и первыми издателями?

3. Если принять это рассуждение и не идти вслед за Н. М. Карамзиным в объяснении появления слова «Олга» в первом издании, то следует признать тот факт, что Н. М. Карамзин, делая выписки из рукописи «Слова», четко прочитал слово как «того», а первые издатели, готовя текст памятника к изданию, в течение длительного времени хотя и читали это слово так же, но сомневались в этом прочтении, по-видимому, в силу неясности графического начертания слова и, возможно, вследствие утраты в нем ряда выносных букв, происшедшей при предшествующей переписке.

4. Слово «Олга» в скобках в первом издании (или «Ольга» в Екатерининской копии) является не уточнением неясного по смыслу слова «того», а равноправным — в палеографическом отношении — вариантом прочтения.

5. Наше предположение о чтении данного места «Слова» заключается в следующем. В рукописи (в архетипном тексте XII в.) было, по-видимому, написано: «. . .лѣти было пѣснь Игореву, Олгову внуку». Затем — при последующей переписке — уставной почерк был заменен полууставом, переходящим в скоропись, и ряд букв оказался поднят вверх — над строкой — они стали выносными. Выносным стало и окончание слова «Олгову»: «в» была поднята над строкой, помещена под титло и стала последней буквой слова; гласная «у», вероятно, и не была написана, а только мыслилась в этом традиционном по типу сокращении конца слова. Выносной стала и вторая согласная — «л». Таким образом, слово «Олгову», первоначально написанное уставом, приобрело теперь такой вид: «Олгов(у)» (курсив обозначает выносные буквы, скобки — отсутствующую реально в строке и над строкой букву «у»). При таком — обычном для скорописи и для полуустава, переходящего в скоропись, — начертании

¹⁸ Щепкина М. В. О личности певца «Слова о полку Игореве». С. 73.

¹⁹ О работе Н. М. Карамзина с рукописью «Слова» см.: Дмитриев Л. А. 1) История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960; 2) «Слово о полку Игореве» и Н. М. Карамзин // «Слово о полку Игореве»: 800 лет. С. 205—214. Л. А. Дмитриев доказал полную раздельность работы первых издателей и Н. М. Карамзина над текстом «Слова».

произошло «столкновение» двух букв «в»: выносной в окончании одного слова («Олгов(у)») и строчной — в начале другого («внуку»); одна из них — по-видимому, выносная, — была утрачена при последующей переписке,²⁰ и слово приобрело вид: «Олго». Поскольку начальная буква в слове — «омега» — писалась с диакритическими значками, а писцы к тому же часто допускали ошибку: писали букву «от» (с «омегой») вместо начальной «омеги»,²¹ то, по-видимому, в рукописи «Слова», находившейся в распоряжении первых издателей, это слово приобрело следующий вид: Ѡго. Возможно также, что выносная «л» была искажена или частично утрачена при переписке.

Таким образом, слово приобретало такой вид, что его можно было прочесть двояким образом: «того» (так прочел Карамзин и первые издатели), но можно было прочесть и как «Олго». Вариант такого чтения первые издатели и поместили в скобках; конечная «а» в слове вместо «о» («Олга», а не «Олго») могла быть результатом их субъективного чтения текста (ведь у них, а также и у Карамзина в рукописи было начертание «того», а не «тога»), но, может быть, эта замена буквы «а» на «о» произошла уже в самой рукописной традиции воспроизведения текста «Слова».

Таким образом, с моей точки зрения, в данном фрагменте первого издания «Слова» и оказались зафиксированы два варианта прочтения одного и того же слова «того (Олга)». Н. М. Карамзин — судя по его выпискам — читал это слово как «того»; первые издатели сомневались: они прочитали это слово и как «того», и как «Олга».

Таким образом, я предполагаю, что в архетипном — исконном — тексте «Слова» было написано: «. . Игоревѣ, Олгову внуку. . .» с двумя выносными — «в» и «л» (буква «в» под титлом дополнялась, по-видимому, гласной «у», что является обычным для скорописи, например, XVII в., при передаче окончаний прилагательных). Затем в слове «Олгову» произошла утрата этих двух выносных. Эта утрата, несомненно, была облегчена тем, а может быть, была этим спровоцирована, что сразу после слова «Олгову» идет слово, начинающееся с той же согласной «в» — «внуку». Столкновение двух одинаковых согласных привело к утрате одной из них. Теоретически утрата выносной буквы «л» не противоречит палеографическим нормам письма в средние века.

Таким образом, в рассматриваемом фрагменте первого издания «Слова» мы имеем дело вовсе не с исходной формой «того» и с ее пояснением «Олга»; здесь оказались зафиксированы два варианта прочтения первыми издателями одного и того же слова, которое можно с уверенностью восстановить как архетипное слово «Олгову» (с выносной «л»). Текст первого издания должен быть исправлен следующим образом: «. . пѣти было пѣснь Игоревѣ, Ольгову внуку». Это чтение находит полный аналог в подлинном заглавии к «Слову»: «Слово о пѣлку Игоревѣ, Игоря сына Святѣславля, внука Ольгова».

Добавим в заключение, что нам представляются оправданными возражения Л. В. Соколовой против принятой пунктуации в тексте данного фрагмента и пожелание объединить два предложения в одно.²²

Начиная с первого издания памятника «Пѣти» рассматривается как первое слово новой фразы, в то время как оно открывает лишь новую син-

²⁰ М. А. Момина обратила мое внимание на то, что конечная выносная «в» в слове «Олгову» могла находиться на краю листа — у его правого поля или у корешка переплета, что также могло способствовать ее утрате.

²¹ Случаи ошибочного написания буквы «от» вместо «омеги» в начале слова, несомненно, были в рукописи «Слова»; укажем еще два случая в тексте первого издания: 1) «Половци. . . рускыя плѣкы отступиша» (с. 13) вместо «оступиша»; 2) «оттворяеши Клеву врата» (с. 30) вместо «отворяеши».

²² См.: Соколова Л. В. Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 68. Отметим, что таким же образом — как одно предложение — издавали текст К. Эрбен и Н. С. Тихонравов (см. примеч. 4).

тагму того же самого, единого по мысли, предложения («О Бояне, соловью старого времени! А бы ты сия пълки ущекоталь. ., пѣти было. . .»). Изменение пунктуации и соединение в одно целое двух случайно разобленных частей текста делает осмысленной конструкцию всего фрагмента в целом, но одновременно это объединение препятствует сохранению в тексте синтаксически невразумительного «того» (см. перевод: «О Боян, соловей старого времени! Если бы ты эти походы воспел, петь бы (так) песнь Игорю, того (?) внуку. . .»). Здесь возникает очевидная несогласованность субъектов действия: непосредственное обращение автора к Бояну ведет к использованию в первой части предложения местоименной формы второго лица («ты»), в то время как во второй части предложения (если принять предлагаемую пунктуацию) сообщается о песне «того» певца. Предлагаемое восстановление архетипного текста исправляет также и эти несообразности.

2. «...Олеѣ и Святѣславѣ тьмоу ся поволокоста...»

Эта фраза «Слова», указывающая конкретные имена двух участников похода князя Игоря в 1185 г., входит в сложный метафорический ряд эпоса в речи бояр, истолковывающих киевскому князю Святославу его «мутен сон» и извещающих его о поражении русских дружин на реке Каяле: «Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стѣла погасоста, и въ морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяца, Олеѣ и Святѣславѣ, тьмоу ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и великое буйство подасть Хинови».²³

Два указанных княжеских имени в речи бояр трудно прокомментировать. Иногда — и это наиболее распространенная точка зрения, принадлежащая Д. С. Лихачеву, — эти имена раскрываются как имя сына князя Игоря — Олега (родился в 1175 г., во время похода ему было 10 лет) и имя племянника Игоря и Всеволода — князя Святослава Ольговича Рыльского, участника похода, также плененного половцами (о нем пишет Ипатьевская летопись²⁴). Однако комментатор в этом случае наталкивается на серьезные трудности, так как об участии десятилетнего Олега Игоревича в походе и о его пленении летописи ничего не сообщают (Лаврентьевская летопись содержит лишь глухое известие о двух сыновьях Игоря, участвовавших в походе, подробный рассказ Ипатьевской летописи совсем не упоминает об Олеге). Кроме того, остается неясным, почему в рассматриваемом тексте названо имя Олега и не названо имя Владимира Игоревича — реального участника похода.²⁵ Нет ли тут ошибки?

Существует другая точка зрения на этот фрагмент «Слова». И. П. Еремин предложил рассматривать имена Олега и Святослава как позднейшую вставку в первоначальный текст памятника, причем вставку ошибочную,²⁶ так как под «молдыми месяцами» («Олегом» и «Святославом») следует подразумевать Владимира Игоревича и Святослава Ольговича. Как вставку рассматривал эти имена и Р. О. Якобсон и предлагал опускать их при издании текста.²⁷ Эта точка зрения принята в настоящее время Н. А. Ме-

²³ Мы принимаем перестановку текста, предложенную Р. О. Якобсоном и принятую Д. С. Лихачевым, Л. А. Дмитриевым и О. В. Твороговым в издании «Слова» в серии «Библиотека поэта» (Л., 1967. Примечания, с. 50—51, 500—501).

²⁴ См., например, комментарий Д. С. Лихачева в кн.: Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950 (Сер. «Литературные памятники»). С. 428; его объяснительный перевод «Слова» в кн.: «Слово о полку Игореве»: 800 лет. С. 36.

²⁵ Д. С. Лихачев объясняет это умолчание о Владимире тем, что в Киеве знали о женитьбе князя на Кончаковне и «не могли рассматривать его как жертву похода» (Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. Комментарий, с. 428).

²⁶ Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» // Художественная проза Киевской Руси XI—XII веков. М., 1957. С. 347, сн. 26.

²⁷ Якобсон Р. О. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 119.

щерским: «Имена княжичей, включенные в текст, представляют трудности для объяснений. Олег, младший сын Игоря, не мог принимать участия в походе, так как был еще слишком юн. Правдоподобно мнение тех исследователей, которые видят здесь интерполяцию, восходящую к одному из позднейших списков „Слова“, когда имена его персонажей уже не были широко известны. Этим объясняется ошибка: Олег вместо правильного Владимир (сын Игоря). Под вторым месяцем, видимо, подразумевается князь Святослав Рыльский».²⁸ Другой новейший комментатор «Слова» — Л. И. Сазонова напомнила о существовании еще одного сына князя Игоря — Святослава Игоревича: «Здесь в „Слове“ символическая картина поражения русских князей. „Два солнца“ — это Игорь и Всеволод Святославичи; „молодые месяцы“ — младшие князья, очевидно, сыновья Игоря Олег (1175—1205) и Святослав (1177—1211)».²⁹

Введение этого нового и, казалось бы, «подходящего» имени «молодого месяца» — Святослава Игоревича не снимает, однако, проблемы достоверности комментария, так как об участии Святослава Игоревича в походе 1185 г. летописи также молчат. К тому же возрастает расхождение в информации различных источников: в походе, оказывается, участвовал не два сына князя Игоря (согласно Лаврентьевской летописи), а три; нерешенным остается главный вопрос: почему были названы по именам только маленькие княжичи — дети (10 и 8 лет) и не упомянуты ни старшие князья, ни Владимир Игоревич, ни Святослав Рыльский. Почему, наконец, рядом с метафорическим текстом о двух померкнувших «солнцах» и двух «стлпах» в «Слове» идет конкретизация другого, параллельного образа и разъясняется, кто такие два «молодая мѣсяца»?

Ответ на эти недоумения возможен, и он будет, как кажется, достаточно правдоподобен: в этом фрагменте «Слова» метафорически обозначены все князья — участники похода: и старшие — Игорь и Всеволод (два «солнца»), и младшие, но самостоятельные князья и военачальники — Владимир Игоревич и Святослав Ольгович Рыльский («оба багряная стлпа»), и княжичи-отроки — сыновья Игоря Олег и Святослав («молодая мѣсяца»). Юный возраст княжичей (10 и 8 лет) не мог быть препятствием для их участия в военном походе; ³⁰ летописи, начиная с рассказов о легендарном Святославе, сыне Игоря и Ольги,³¹ фиксируют много подобных случаев. ³² Отсутствие каких бы то ни было сведений об Олеге и Святославе в летописных рассказах о походе 1185 г. может быть объяснено их социальной и военной несамостоятельностью: они не были — в отличие от Владимира Игоревича и Святослава Ольговича и добавим — Ольстина Олексича — руководителями военных отрядов в войске Игоря.

Таким образом, если принять уточнение Л. И. Сазоновой, следует признать, что в походе против половцев участвовало не четыре князя, а шесть; четыре князя-военачальника — это и есть те «четыре солнца», которые «затмились» на Каяле («чръныя туча съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца»); в другом же фрагменте текста, который рассматривается нами, есть различие князей по старшинству, есть градация: «два солнца» и «оба багряная стлпа» — это два старших и два младших князя, их сопровождают «молодая мѣсяца» — младшие сыновья

²⁸ Мещерский Н. А., Бурыкин А. А. Комментарий к тексту «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Л., 1985. С. 465.

²⁹ Сазонова Л. И. Комментарии // «Слово о полку Игореве»: 800 лет. С. 58

³⁰ Ср. приведенное выше мнение Н. А. Мещерского, с которым мы не согласны («Олег... не мог принимать участия в походе, так как был еще слишком юн»).

³¹ См. «Повесть временных лет» под 946 годом: бой с древлянами начинает князь-ребенок Святослав: «...суну копьем Святослав на деревляны, и коше летѣ сквозѣ уши коневи, и удари в ноги коневи, бѣ бо дѣтскѣ» // ПЛДР. XI—начало XII века. М., 1978. С. 72.

³² Напомним автобиографический рассказ Владимира Мономаха о начале его княжеского «труда» — о его походах — «с 13 лѣтъ» (Там же. С. 402) и др.

Игоря Олег и Святослав. Заметное увеличение числа князей Ольговичей, участников похода (с четырех до шести), как будто хорошо согласуется и с концовкой «Слова»: «Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ — молодымъ пѣти!» «Молодые» Ольговичи — это не только единственный «молодой» князь Владимир Игоревич, здравица которому провозглашается здесь же: «Слава. . . Владимиру Игоревичу!» (судьба Святослава Ольговича Рыльского после похода 1185 г. неизвестна), но прежде всего младшие его братья — Олег и Святослав, также участники похода, уже вступившие к моменту создания «Слова»³³ в самостоятельную жизнь. Гипотеза об участии в походе Игоря двух младших его сыновей может объяснить также известие Лаврентьевской летописи о выступлении Игоря в поход «съ двѣма сынома».³⁴ Летописец слышал о присутствии в войске Игоря двух маленьких княжичей (Владимир Игоревич был почему-то не упомянут).

Эти рассуждения не доказывают, однако, что указание имен Олега и Святослава, сыновей князя Игоря, в комментируемой фразе было присуще первоначальному авторскому тексту. Предположение И. П. Еремина, Р. О. Якобсона, Н. А. Мещерского о том, что это указание имен участников похода — вставка, уточнение, принадлежащее более позднему читателю, комментатору текста «Слова», — пока остается в силе. Сосуществование в одном фрагменте иносказания и конкретизирующей тенденции (причем конкретизирующей лишь часть общего метафорического ряда: раскрыты имена только двух «мѣсяцев»), действительно производит впечатление неорганичности текста. Напомним здесь о позиции таких исследователей «Слова», как О. В. Творогов и Л. А. Дмитриев. Комментируя в 1967 г. текст «Слова», они также были склонны видеть в именах князей Олег и Святослав вставку: «Это тем более вероятно, во-первых, потому, что будет устранено противоречие: в обоих случаях в „Слове“ будет говориться о четырех участниках похода («хотятъ прикрыти 4 солнца» и «два солнца помѣркаста. . . и съ нима молодая мѣсяца. . .»), а, во-вторых, метафора не будет соседствовать, как в мусин-пушкинском списке, с излишней конкретизацией: называя по именам молодых князей, автор разрушает символику всего образа».³⁵

Напротив, если признать, что имена Олега и Святослава, указывающие на младших сыновей Игоря Святославича, являются позднейшей вставкой комментатора, то можно легко объяснить, почему именно эти два имени, выбранные из имен шести участников похода, были здесь названы: заботливый комментатор, понимая, что «Слово» имеет особое значение для истории семьи князя Игоря и репутации Игоревичей в исходе XII — начале XIII в., назвал имена неизвестных для читателя участников похода, скрытых, как он думал, под метафорическим обозначением «молодая мѣсяца» (имена «солниц» или «стѣлов» — т. е. самого Игоря, его брата Всеволода и сына Владимира Игоревича — были уже названы в авторском тексте памятника).

Однако такое комментирование фразы «Слова» не является единственной возможностью прочтения и понимания данного фрагмента

³³ Напомню, что, согласно предложенной мною датировке «Слова», памятник создается в 1194—1196 гг., после смерти великого киевского князя Святослава в июне 1194 г. и до смерти «буй-гура» Всеволода в мае 1196 г., в период резкого обострения междукняжеских отношений между родом черниговских Ольговичей и Мономаховичами, потребовавшими от Ольговичей в 1195 г. отказаться навсегда от прав на киевский трон (подробнее см.: Демкова Н. С. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестн. ЛГУ. Сер. История. Яз. Лит. 1973. № 14, вып. 3. С. 72—77; см. также: Демкова Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980. С. 58—107); Олегу и Святославу в это время было соответственно около 20 и 18 лет.

³⁴ ПЛДР. XI—начало XII века. С. 366.

³⁵ Творогов О. В., Дмитриев Л. А. Примечания // Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 500—501.

текста. Может быть высказана и рассмотрена еще одна — альтернативная — гипотеза, которая позволяет видеть, и в этом ее преимущество, в данном фрагменте «Слова» цельный авторский текст. Текст этот сохранился, возможно, не полностью, но он не содержит чужеродных вставок, требующих удаления, а, напротив, в едином художественном ключе создает ряд метафорических и обобщенных образов, раскрывающих — с позиции сторонника Ольговичей — реальную политическую действительность конца XII в.

Эта гипотеза признает, что имена Олега и Святослава не были вставкой комментатора, изначально существовали в авторском тексте памятника, однако обозначали они не сыновей князя Игоря (или его сына Олега и племянника Святослава), а деятелей иной исторической эпохи. Эти две фигуры отнюдь не были «молодыми мѣсяцами» в окружении «солнца» — князя Игоря, и фрагмент «Слова» нуждается в решительном изменении традиционного синтаксического членения и пунктуации, идущей от понимания текста первыми издателями. Его следует читать так: «Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркаста, оба багряная стѣпна погасоста, и въ морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяца; Олѣгъ и Святѣславъ тѣмоу ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыла, по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и великое буйство подастъ Хинови. . .»

Упомянув Олега и Святослава — в речи бояр, иносказательно рассказывающих великому князю о бедах Руси, — автор называл здесь не третьестепенных княжичей-детей, но родоначальников современных Ольговичей — деда и прадеда героев «Слова» — черниговских князей Олега Святославича (ум. в 1115 г.) и Святослава Киевского (ум. в 1076 г.).

Основанием для такого понимания текста является особое значение идеи рода, культа рода и дедовской славы для мироощущения человека XII в., подробно рассмотренное в известной работе В. Л. Комаровича,³⁶ а применительно к «Слову» — в ряде статей Д. С. Лихачева.³⁷ Автор «Слова» постоянно использует образ дедовской славы для характеристики современности: князья полоцкие, занятые междоусобицами, «выскакивают» из «дедней славы», Изяслав Василькович, погибший на поле боя, — поревновал славе предка — воинственного князя Всеслава («притрепа славу деду своему Всеславу»), и т. д. «Ольгово хороброе гнездо» черниговских князей не было «обиде порождено», но когда совершилось поражение на реке Каяле (поражение страшное и сокрушительное, по описаниям автора: «сицей рати не слышано!»), тогда «померкли» не только «два солнца», не только «оба багряная стѣпна» «погасоста» и «въ морѣ погрузиста» вместе с «молодыми мѣсяцами» — младшими князьями, но тогда заволокла тѣмоу и общая слава рода — слава Олега и отца его Святослава, победителя половцев («Олѣгъ и Святѣславъ тѣмоу ся поволокоста»).

Предлагаемая нами интерпретация текста указанного фрагмента хорошо согласуется с дальнейшим развитием темы: слава Олега и Святослава означает — для сторонников Ольговичей — прошлое величие не только рода, но и Руси; метафоры разъясняются метафорами же, синтаксический параллелизм строк ведет к уравниванию смыслов в их отдельных частях: «. . . Олѣгъ и Святѣславъ тѣмоу ся поволокоста. / На рѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыла / По Руской земли прострошася половци. . .» Возникают последовательные ряды обобщенных образов, представляющих собой

³⁶ Комарович В. Л. Культ Рода и Земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 84—104.

³⁷ См., например: Лихачев Д. С. «Слово» и эстетические представления его времени // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985. С. 57 («Пример отцов и дедов, обычаи отцов и дедов, их наследие, слава отцов и дедов и, наконец, полужылическая молитва „дедняя и отняя“ постоянно упоминаются в летописи, особенно в критические моменты судьбы их потомков»).

ценностную систему координат автора: один ряд — «Олег и Святослав», «свет», «Руская земля», другой — «тьма», «тьма», «половци». Отметим попутно, что во всех трех самостоятельных частях периода, каждая из которых является законченным предложением, предикат (действие) выражен глаголами одного семантического гнезда («поволокоста», «покрыла», «про-строшася»), создающими представление об идее враждебного «покрова», постепенного и неуклонного движения враждебной стихии тьмы. Эта оценка современной действительности в речи бояр, обращенной к Святославу, единством образной идеи связывает разные фрагменты «Слова»: и войско Игоря покрыто тьмою во время солнечного затмения, и Святослава (в его сне) покрывают «черной паполемой», и «печаль жирна тече среди Руской земли», покрывая ее в результате нашествия половцев на Русь. В этом ряду обобщенных образов находится и фраза о предках героев «Слова» — о князьях Олеге и Святославе.